

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1617

Г. Я. Гузельбаева, М. М. Мchedlova

МУСУЛЬМАНСКИЕ СООБЩЕСТВА В КАЗАНИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА: ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА И СПАДА ИСЛАМСКОГО МОЛОДЕЖНОГО АКТИВИЗМА

Правильная ссылка на статью:

Гузельбаева Г.Я., Мchedlova М.М. Мусульманские сообщества в Казани начала ХХІ века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

For citation:

Guzelbaeva G. Y., Mchedlova M. M. (2020) Kazan Muslim Communities at the Beginning of the 21st Century: Causes of the Rise and Fall of Islamic Youth Activism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 247—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

МУСУЛЬМАНСКИЕ СООБЩЕСТВА В КАЗАНИ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА И СПАДА ИСЛАМСКОГО МОЛОДЕЖНОГО АКТИВИЗМА

KAZAN MUSLIM COMMUNITIES AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: CAUSES OF THE RISE AND FALL OF ISLAMIC YOUTH ACTIVISM

ГУЗЕЛЬБАЕВА Гузель Яхиевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>

Guzel Ya. GUZELBAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social Science and Philosophy

E-MAIL: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>

МЧЕДЛОВА Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе», Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: mchedlova-mm@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4635-1741>

Maria M. MCHEDLOVA^{2,3} — Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Head of the Department of Comparative Politics; Principal Researcher at the “Religion in Contemporary Society” Center

E-MAIL: mchedlova-mm@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4635-1741>

Аннотация. Современность побуждает к переосмыслению традиционных интерпретаций общества и политики в контексте секулярной парадигмы. Многообразие форм возвращения религии в публичную сферу, пересечение институционального и неинституционального аспекта имплицитно определяют возникновение новых социальных форм гражданской активности, фокусирующихся вокруг религиозных референтов. Социологические исследования последнего десятилетия позволяют утверждать, что среди татарского населения, традиционно исповедующего ислам, эти процессы в значительной степени затронули молодежь. Примерами инициативных групп Казани являются объединения «Сознание»

Abstract. Modernity encourages rethinking the conventional interpretations of society and politics within a secular paradigm. Multiple forms of return of religion to the public sphere, the intersection of institutional and non-institutional aspects suggest new forms of religion-centered civic activism. Sociological studies in recent decade point out that this process has largely affected the Tatar youth traditionally professing Islam. Associations “Consciousness” and “Altyn Urta” set up by Muslim students in 2004-2012 are some examples of initiative groups in Kazan. The article is based on the in-depth interviews with their members conducted in 2012-2013 and 2018-2019 by the authors. At the height of religious revival, these asso-

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russia

² RUDN University, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

и «Алтын Урта», созданные студентами-мусульманами в 2004—2012 гг. Глубинные интервью с их участниками, проведенные лично авторами в 2012—2013 и 2018—2019 гг., составляют основу данной статьи.

На пике религиозного возрождения эти объединения пересекли отведенную религии границу приватной сферы и стали осваивать публичное пространство, выстраивая свои стратегии в соответствии с исламскими представлениями. Созданные как инициативы снизу, организации сконцентрировали свою активность на уровне гражданского общества, не вступая на территорию государственных институтов и политических процессов. Их деятельность осуществлялась на пересечении религиозной и социальной сфер, а жизненные стратегии их участников выстраивались на таких принципах, как самоидентификация в качестве движения мейнстрима, которое имеет позитивный имидж и ассоциируется с трендовой тенденцией принадлежности к исламскому (глобальному) сообществу; амбициозное целеполагание, выходящее за узкогрупповые рамки; мобильность реакции на новые вызовы; отказ от иерархических патерналистских стратегий и тяготение к горизонтально-сетевым формам участия.

Наблюдающийся спад активности рассматриваемых организаций, их исключение из гражданского поля, сведение многообразной гражданской активности к узким направлениям поддержки татарской культуры и языка, потребностям семейной религиозной социализации обозначают проблемы более широкого плана. Они связаны со спецификой формата взаимоотно-

ciations crossed the border of religious private sphere and started to actively explore the public space building new strategies in accordance with the Muslim beliefs. With this grassroots initiative the organizations were trying to focus on their civic activities not intervening in the field of state institutions and political activities. They conducted their activities at the intersection of religious and social spheres. The life strategies of their members were based on the following principles: self-identification as a mainstream movement featuring a positive image coupled with a growing trend towards self-identification as a Muslim community worldwide; ambitious goal-setting going beyond narrow group interests; quick response to challenges; refusal to follow hierarchical paternalist strategies with an emphasis on horizontal participation.

Broader issues arise due to a decline in the activities of these organizations, their elimination from the civic domain, their numerous activities narrowed down to mere support for the Tatar language and culture and religious socialization in a family. These issues deal with the specifics of state-society and religion-society relationships, the levels of social activities in Russia and the effectiveness of life strategies which involve a religious resource.

шений между властью и обществом, между религией и обществом, уровнем социальной активности в России и эффективностью жизненных стратегий, включающих использование религиозного ресурса.

Ключевые слова: религия, современность, деприватизация религии, молодежь, исламские сообщества, жизненные стратегии молодежи, гражданский активизм

Keywords: religion, deprivatization of religion, youth, youth life strategy, civil activism, modernity, Muslim communities

Религия и «паблик»: место гражданского активизма

Конец XX и начало XXI веков отмечены тенденцией к ревитализации религии — возрождению индивидуальной веры и росту влияния религиозных институтов на публичную сферу. Актуализация и конкуренция различных форм присутствия религии в современном мире, проникновение религиозных интенций в институциональную и неинституциональную сферы формируют определенную исследовательскую призму интерпретации современного социально-политического устройства. Многообразие форм проявления религиозного фактора, не сводимого к единому знаменателю, породило и многообразие теоретических интерпретаций: отправными точками выступают переосмысление концептуальных рамок теории секуляризации, соотношение традиции и современности и принцип светскости. На крайних полюсах широкой вариативной интерпретативной шкалы находятся алармистские построения, связывающие архаику и клерикализацию, и абсолютизация религиозных оснований как стержнеобразующих в частной, политической, гражданской, правовой, социально-экономической и иных сферах. «Перетекание» религиозных смыслов из «церковной ограды» или области человеческой души в публичные пространства, в информационные поля, порождает реакции и осмысления сродни герменевтическим исследованиям: поиски религиозных смыслов становятся едва ли не самым распространенным занятием как для философа или социолога, так и для журналиста или студента, маркируя размывание казавшихся непреодолимыми институциональных и мировоззренческих границ [Религия в современной России, 2019].

Проблему новых форм присутствия религии в современном мире, ее новые «конstellляции» [Эйзенштадт, 2012], инкорпорацию в институциональную и неинституциональную сферы можно проинтерпретировать и как определенную оптику понимания современности. Питер Бергер приводит пример России как яркий случай того, что религиозные организации вновь вмешиваются в политические и социальные дела государства [Berger, 1999; Бергер, 2012], а отечественные социологи фиксируют высокие показатели самоидентификации россиян в качестве последователей определенных конфессий [Фурман, Каариайнен, Карпов, 2007; Синелина, 2009; Мchedлова, 2018]. «Религиозное возрождение» в российских

условиях проявляется в ряде ключевых параметров: религия и вера как таковая и связанный с ней пул проблем, деятельность религиозных институтов как субъектов политического целеполагания, религиозная идентичность как культурно-цивилизационная характеристика. На пересечении этих проявлений религиозного фактора, на стыке институционального и неинституционального контекстов возникают и новые социальные, мирские формы прежде всего гражданской активности, «вдохновленные» религиозными интенциями. Неслучайно возникает следующее постулирование: «Если ранее мы говорили о процессе секуляризации и утрате иллюзий социума как тенденции долговременной и неизбежной, то сейчас ей на смену приходит тенденция десекуляризации, основанная, в частности, на переоценке социальной значимости религии» [Berger, 2001].

Гражданская сфера может рассматриваться как формирующая в людях, прежде всего в молодежи, качества, способствующие накоплению социального капитала (одним из ярких примеров можно считать феномен «локального патриотизма», включающего в себя совокупность разнообразных гражданских и социальных практик и смыслов). Инструменты гражданского активизма, выполняющие в том числе солидаризирующую роль и способствующие действенности различных форм самоорганизации, направлены на канализацию общественных инициатив. Эти инструменты, помимо коллективного целеполагания, могут включать в себя и религиозные интенции [Гражданский сектор государственного управления, 2018]. Одновременно именно в условиях трансформации «знакового мира» поиск жизненных стратегий становится наиболее напряженным, особенно когда институциональные и ценностные координаты становятся «зыбкими» и непрочными. Насколько и в каких формах религиозный фактор в современных условиях становится механизмом или катализатором гражданской активности, вектором жизненных стратегий для молодежи, формирующей индивидуальное и общественное поведение? Этот вопрос может выступить в качестве отправной точки научного поиска.

Молодежь и религия: в поисках активной жизненной стратегии

В качестве кейса для конкретизации поставленных исследовательских гипотез были выбраны формы отклика мусульманской молодежи Республики Татарстан на религиозный подъем, который наблюдается в российском обществе с 1990-х годов. Расширение присутствия религиозных смыслов стало заметным в Республике Татарстан с середины 1990-х годов, когда восстанавливались и строились храмы, появились духовные учебные заведения, издавалась духовная литература, и все это происходило на фоне распространения религиозных практик среди жителей республики. Данные социологов показывают, что молодое поколение татар в этот период активно включилось в процессы религиозного возрождения, а степень их религиозности почти не зависела от уровня образования и места проживания; можно было говорить о заметной исламизации образованной молодежи в крупных городах Татарстана и росте ее социальной активности [Косач, 2007; Гузельбаева, 2014]. Республика Татарстан стала одним из центров возрождения традиционного российского ислама. Исламские вузы в диалоге со светскими и научными учреждениями начали играть заметную роль в формировании му-

сульманского самосознания и просвещения¹. Основным фокусом нашего исследовательского интереса стала молодежная активность и объединение молодых студентов-мусульман Татарстана в инициативные исламские сообщества, которые в 2004—2012 гг. осваивали публичное городское пространство. Объектом анализа выступила деятельность общественных организаций «Сознание» и «Алтын Урта» — самых ярких и влиятельных групп, самостоятельно созданных молодыми мусульманами Казани. Мы сконцентрировались на изучении основных направлений деятельности этих сообществ, их преимуществах по сравнению с официальными структурами, а также на слабых сторонах их работы и обстоятельствах прекращения публичной активности. Цель работы — охарактеризовать молодежные формы гражданской самоорганизации, использующие солидаризирующий религиозный ресурс, а также проанализировать их привлекательность, устойчивость, эффективность и причины спада активности.

Активная деятельность верующих мусульман России начала XXI века нечасто попадала в поле исследовательского интереса специалистов, скорее фокус изучения концентрировался на несколько иных сюжетах. В центре внимания находились женские организации [Гараев, 2019] и частные практики мусульманок [Sabirova, 2011; Karimova, 2013]. Мотивы самоорганизации студенческих исламских групп отражены в исследовании Р.А. Набиева [Набиев, 2007 ; 2014], но подробный анализ их деятельности, причин распада, преемственности поколений остается малоизученным.

Идея Х. Казановы о деприватизации религии в современном мире подразумевает процесс завоевания религией публичности, при котором она проникает в ранее закрытые для нее области, не связанные со сферой частной жизни индивида, а известные персонажи и общественные институты обращаются к религиозной теме [Casanova, 1994; 2008]. При этом религия переопределяет себя в трех основных областях: государство, политическая сфера и гражданское общество². Деятельность инициативных групп мусульманской молодежи, существовавших в Казани в 2005—2012 гг., — это проявление активности собственно в сфере гражданского общества. Молодые мусульмане стремились, чтобы индивидуальный религиозный выбор каждого был поддержан и подкреплен интересубъективным внутригрупповым общением, которое должно разворачиваться на публичной арене. Они хотели преодолеть то ограниченное положение, которое отводил религии XX век.

Молодежь становится объектом исследования, когда ее группы ведут себя как нарушители спокойствия, которые посягают на устоявшиеся ценности. Речь может идти не только о правонарушителях, но и о «взрывателях» культурных устоев и образцов. Как отмечает Е. Омельченко, интерес исследователей всегда обращен к этим так называемым группам риска — субкультурной молодежи (например, неформальным движениям, эпатажным субкультурам) и к маргинальной (делинквентной, безработной, бедной) молодежи. Таким образом, по отношению к молодому поколению среди «взрослых» существуют представления одновременно

¹ Так, именно в Республике Татарстан была создана Болгарская исламская академия — научно-богословский и образовательный центр всероссийского значения, учрежденный ведущими мусульманскими организациями России (ЦДУМ России, ДУМ Российской Федерации, ДУМ Республики Татарстан) в 2016 г. URL: <https://bolgar.academy> (дата обращения: 29.06.2020).

² Примерами новой публичности религии в государственной и политической сферах могут быть взаимодействия политических и религиозных лидеров, попытки влияния религиозных институтов, например, на школьную программу.

и о его инновативности, и о его потенциальной угрозе. Они смотрят на молодежь и с надеждой, и с тревогой [Омельченко, 2005].

Активность молодых людей ассоциируется с возможностью самореализации и самопрезентации. Для успешной жизненной стратегии, тем более для выхода группы на публичную сцену, необходимо соблюдение нескольких условий. Среди наиболее важных следует назвать наличие осознанных представлений и убеждений, побуждающих к активности, и осмысленных намерений относительно своего места в обществе [Зубок, Чупров, 2019]. Дополнительным условием, повышающим шансы молодежного сообщества на успех и популярность, выступает связь с более старшим поколением и заимствование его опыта. Последнее затруднено в силу того, что для молодых людей типична ситуация, когда одобрение со стороны группы сверстников становится более значимым, чем одобрение кого-то внешнего, более старшего. Действительно, российские исследования показывают, что молодежная активность рубежа первого и второго десятилетий 2000-х годов происходит часто без каких-либо социальных проводников, и это ведет к разрыву межпоколенческой коммуникации, отсутствию преемственности по отношению к предыдущему культурному опыту, поиску собственных интерпретаций смыслов и целей жизни [Омельченко, 2019; Omelchenko, Sabirova, 2016].

Методология исследования: преодолевая опасения и недоверие

Анализ деятельности студенческих исламских сообществ основан на данных социологических исследований в качественной стратегии, проведенных в 2012—2013 гг. и 2018—2019 гг. Использованы следующие методы сбора данных: глубинные интервью и наблюдение. Проведено 12 глубинных интервью: с лидерами и участниками организаций «Сознание» и «Алтын Урта», а также с членами студенческих неформальных групп «Ихлас» и «САМИ», с молодыми мусульманами, принимавшими участие в исламских студенческих мероприятиях в университетах Казани в 2007—2012 гг. Часть интервью (в 2018—2019 гг.) имела ретроспективный характер после завершения основных событий, описываемых в статье. Продолжительность каждого интервью составила от полутора до двух с половиной часов. Интервью сопровождались контекстными наблюдениями с ведением полевого дневника. Эти наблюдения проходили в мечетях и на общественных площадках в г. Казани, а также в населенных пунктах, где появились сторонники исследуемых организаций, либо туда переехали жить участники исследуемых групп: г. Набережные Челны, г. Нижнекамск, г. Бугульма, селах Азнакаевского, Альметьевского, Мамадышского районов Татарстана (всего проведено 12 часов наблюдений; реальные имена информантов скрыты).

Интервью выстраивались по гибкому гайду, который имеет основную и вариативную части. Основная построена вокруг следующих векторов: стратегия и тактика деятельности сообщества и конкретные мероприятия; цели и задачи сообщества и степень реализации планов; характеристика «ядра» и рядовых участников по нескольким параметрам и их вклад в общую работу; взаимодействие с внешними агентами, в том числе с официальными структурами; общая оценка ситуации и контекста, сильных и слабых сторон сообщества. Тематика вариативной части зависела от личного участия информанта, его опыта включенности в ислам-

скую тему до, во время и после участия в организации, степени осведомленности и наличия персональных контактов с удаленными членами сообщества.

Первоначально материал собирался в тот период (2012—2013 гг.), когда деятельность «Алтын Урта» начала затухать, но организация еще пыталась продолжить функционирование, а «Сознание» закончило свою работу за несколько лет до этого, но ее бывшие активисты открыто выражали свою реакцию на бурные события в Татарстане 2012 г., связанные с покушением на муфтия Ильдуса Файзова и убийством его бывшего заместителя Валиуллы Якупова. Возвращение к теме через шесть лет связано с желанием проанализировать ситуацию через временной интервал, в ходе которого участники исследуемых событий могли бы переосмыслить свою гражданскую студенческую деятельность и, возможно, поменять взгляды на более широкий контекст, в котором они осуществляли свою активность. С 2012 г. изменилась государственная политика относительно инициативных неконтролируемых сообществ, связанных с исламом. Важно было выяснить оценку повзрослевших участников «Алтын Урта» и «Сознания» потенциала сегодняшних молодых мусульман и их мнение относительно причин нынешней пассивности исламской молодежи. По большому счету речь идет об анализе тенденции угасания гражданского активизма молодежи (в отличие от противоположной тенденции развития официальных каналов организации молодежной энергии и формулирования ориентиров — например, попытки создания молодежных исламских объединений при Духовных управлениях мусульман, а также организаций волонтерской и патриотической направленности).

Выбор именно этих двух организаций обусловлен тем, что они были наиболее значимыми и заметными по количеству сторонников, охвату разнообразной деятельности и осознанности стратегии. Сначала самое активное мусульманское студенчество объединилось в организацию «Сознание» (2004—2009), а затем (с 2010) «Алтын Урта» независимо от них подхватило то же самое направление. Несколько остальных исламских групп, которые складывались в студенческой среде в 2011—2012 гг. (а другие слои молодежи были в этом отношении пассивны и шли за студентами), были крайне малочисленными, плохо организованными и неамбициозными.

Особая трудность исследования состояла в поиске ключевых информантов и организации интервью. Лидеры и участники студенческих мусульманских сообществ как в 2012 г., так и сегодня с недоверием относятся к любопытству внешнего наблюдателя. Для организации встреч были задействованы информанты других проектов, посвященных вопросам повседневной жизни исламского сообщества Татарстана, в том числе реакция мусульман на антиэкстремистскую политику. Рекомендации и предварительные заверения со стороны членов мусульманской общины относительно искренности и «безопасности» исследователей-социологов позитивно повлияли на готовность участников организаций «Сознание» и «Алтын Урта» идти на контакт. Подробное повествование и живой, доверительный стиль ведения беседы, которые складывались в ходе каждого из 12 интервью, позволяют надеяться, что в результате получена достоверная информация.

Подобные сложности в организации интервью ставят дополнительные исследовательские вопросы, на которые еще предстоит ответить в последующих проектах:

с чем связано продолжающееся недоверие бывших исламских активистов к тем, кто интересуется их деятельностью студенческих лет? Чего именно они опасаются, и связано ли это с непростой общественно-политической обстановкой в России и/или Республике Татарстан, на фоне которой проходит государственная антиэкстремистская политика? Возможна ли в стране активная гражданская деятельность исламских объединений, сформированных по принципу принадлежности к исламу, и насколько защищенно себя чувствуют их участники?

В ходе работы над статьей в 2020 г. мы вновь обратились к ключевым информантам за комментариями по возникшим у нас вопросам и оценками некоторых сюжетов, разъяснение которых мы посчитали необходимым дать в своем анализе. Мы благодарны всем участникам нашего исследования за искренность и готовность к общению.

Молодежный мусульманский активизм в Казани: от студенческих организаций к широким социальным горизонтам

Одним из проявлений религиозного возрождения в Татарстане среди молодых мусульман стала их активная деятельность как приверженцев своих конфессий: они объединялись в сообщества и реализовывали деятельность, связанную с их представлениями о потребностях и обязанностях верующего человека. Необходимо отметить, что молодые мусульмане проявляют активность и самостоятельность с начала 1990-х годов, с первых лет исламского возрождения в нашей стране. С 1990 г. существует Молодежный центр исламской культуры «Иман», созданный имамом Валиуллой Якуповым (ставшим впоследствии заместителем муфтия Татарстана), которому тогда было 26 лет. Он занимался изданием религиозной литературы по основам ислама на русском и татарском языках [Набиев, 2007].

Один из трендов начала XXI века в мусульманской жизни Казани — завоевание молодыми мусульманами публичного пространства и активное выражение своей исламской идентичности. Татарская молодежь объединялась в независимые группы, созданные по инициативе молодых людей в возрасте примерно от 18 до 25 лет³. В начале 2000-х годов среди студентов-мусульман казанских университетов стали возникать группы, в которых молодые люди стремились к активной деятельности на основе приверженности исламу как источнику высоких и светлых смыслов и жизненных ориентиров. В 2004 г. несколько студентов престижных факультетов ведущих казанских вузов создали и затем официально зарегистрировали молодежную общественную организацию «Сознание», которая призывала молодых активных мусульман объединяться для формирования жизненной стратегии в соответствии с предписаниями Корана. Период с 2005 по 2007 г. стал самым активным временем их работы. Лидеры «Сознания» уловили растущий интерес студентов к исламу и их готовность действовать по религиозным ориентирам.

³ Одним из первых событий, которое вышло за пределы мусульманской примечательной общины, было движение 2002—2003 гг. в Татарстане за право женщины фотографироваться на паспорт в платке. В его рядах стояли вместе мусульманки молодого и среднего возраста. Около года несколько женщин из Татарстана при поддержке адвокатов боролись за признание неправомерным запрет на фото в головном уборе на официальных документах, и 15 мая 2003 г. Верховный суд РФ признал за мусульманками это право. См.: Верховный суд признал право мусульманок фотографироваться в платке // COVA: Информационно-аналитический центр. 2003. 5 марта. URL: <https://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2003/03/d152/> (дата обращения: 29.06.2020).

Мусульманская молодежь, в основном из местного татарского населения, становится более религиозной, просвещенной, они уже не ограничиваются только хождением в мечеть, они очень стремятся полноценно жить и развиваться, как предписывает ислам. Мы тогда поймали идею, которая висела в воздухе, — объединиться. В одиночку мало чего добьешься. (Интервью 3, муж., 27 лет, Казань, актив «Сознания», 2012)

Тогда [в 2007—2009 гг.] было прекрасное время для здорового развития ислама, и он развивался свободно, в обсуждениях. Было много авторитетных имамов, они были уже хорошо образованы, в отличие от начала 90-х. Ислам давал нравственную основу, духовную, появилась новая литература, в мечетях вокруг имамов собирались люди, для них читали разъяснительные лекции. Ислам пробивался молодой травой — чистой, свежей, вот молодые люди и потянулись в большом количестве. (Интервью 6, муж., 34 года, Казань, член «Сознания», 2019)

Когда студенты решили объединиться и стали проводить регулярные собрания узким кругом единомышленников, им было около 18 лет. Несмотря на столь молодой возраст, их отличали большой интерес к исламскому богословию и осмысленный подход к постановке целей. На протяжении всего времени функционирования «Сознания» о них можно говорить как об интеллектуальной группе — судя по вопросам, которые они ставили на повестку дня, способам решения задач, обсуждаемым темам. Об этом также свидетельствуют персоны, которых они приглашали на свои мероприятия.

«Сознание» занималось просветительской работой в области ислама, благотворительными акциями, организацией исламских праздников в вузах, решением насущных задач (о предоставлении мест для чтения намазов в татарстанских вузах, наличии халяльных блюд в студенческих столовых). Участники сообщества проводили регулярные встречи в университетах, где обсуждали организационные вопросы, связанные прежде всего с вероучением и соответствующими поведенческими правилами. На площадке Казанского государственного университета они провели конференцию, на которой студенчество и татарстанское духовенство старались разобраться в теологических вопросах, возникавших тогда у молодых мусульман. Они сотрудничали с популярными и авторитетными имамами из Духовного управления мусульман Татарстана, с мэрией Казани, Общественной палатой. Принципиальной позицией была идея о неприемлемости радикальных взглядов, а также идея нравственного оздоровления общества.

[Мы хотели] донести наши взгляды не только до друзей, однокурсников, родственников, коллег, соседей, но и до масс молодежи. Мы создавались именно для массовой общественно значимой работы. Хотели все делать официально, чтобы ни у кого не возникало никаких вопросов, чтобы никто не связывал нас ни с какими радикальными группами. Мы поддерживали тесные контакты с Общественной палатой, были в ней представлены, с городской администрацией, Духовным управлением. (Интервью 9, муж., 34 года, Казань, актив «Сознания», 2019)

Все-таки в Татарстане проживает много татар, основой культуры и мировоззрения которых является исламская религия. И мы считаем, что, прививая молодежи исламские ценности, принципы, можно сделать общество более здоровым. (Интервью 2, муж., 28 лет, Казань, актив «Сознания», 2013)

В 2004—2005 гг. «Сознание» издавало газету «Формат мысли», которая выходила регулярно и распространялась среди мусульманского студенчества Казани. Это издание быстро переросло из студенческой газеты в серьезный интеллектуальный орган, тираж некоторых номеров достигал 10 тыс. экземпляров. На его страницах освещались самые актуальные текущие вопросы, события из жизни мусульманской молодежи, интервью с активными мусульманами Поволжья и многое другое. Материалы газеты использовались в публикациях некоторых новостных сайтов (islam-info.ru, islamnews.ru, credo.press).

Газета «Формат мысли» была посвящена исламской тематике. Много молодых отделены от религии. Алкоголизм, наркомания, преступность, разврат — это потому что вакуум в душах. Мы видели цель в том, чтобы помочь им найти себя, найти цель, смысл в жизни. (Интервью 7, муж., 33 года, Казань, актив «Сознания», 2018)

К 2007—2008 гг. активисты «Сознания», окончив университет и начав трудовую деятельность, изменили формат своей деятельности. Активным осталось только ядро организации, которое продолжало работу с молодыми мусульманами и участвовало в жизни исламского сообщества Казани, но делало это менее публично⁴. С 2010 г. «Сознание» продолжало свою деятельность, но его лидеры и их окружение больше были погружены в строительство своей частной жизни — налаживание собственного бизнеса, жизнь своих молодых семей и иные заботы. В это время они были уже почти незаметны в динамичной жизни университетов и вневузовской среды. Эстафету приняла другая организация — «Алтын Урта», также представлявшая более молодое поколение студентов. Ее создали по собственной инициативе в 2010 г. шестеро учащихся казанских вузов. Отметим, что «Алтын Урта» дословно переводится с татарского как «золотая середина», яркости этому выражению добавляет созвучность с тем, как по-татарски называется Золотая Орда.

Я входил в молодежную тусовку клуба «Шарык», где обсуждались темы, связанные с татарским народом. Активно все это было тогда. <...> Мы создавали группу для татар, но во главе было — исламская тема. <...> У меня уже были четкие представления об исламе, и хотелось создать свою нишу. Потом я пришел к идее Садри Максуди, что религия должна служить этносу. (Интервью 8, муж., 30 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2018)

⁴ Среди некоторых проектов тех лет можно назвать участие в строительстве мечетей (например, мечети «Гаиля» в Казани), реализации раздельного посещения бассейна мужчинами и женщинами (в молодежном центре «Ак Барс»), содействие в создании детского сада для мусульманских детей. Они выступили инициаторами и соорганизаторами Рамадановского оргкомитета Казани, который помогал казанской мусульманской молодежи в организации поста в священный месяц: устраивал и информировал о расписании студенческих ифтаров (ежедневный прием пищи после захода солнца во время мусульманского поста) в крупных вузах Казани, в 2008 г. запустил сайт «Рамадан в Казани».

Эта мусульманская молодежная организация быстро приобрела известность и превзошла по популярности «Сознание», во многом благодаря набиравшей силу социальной сети «ВКонтакте», через которую о деятельности «Алтын Урта» узнали молодые татары по всей республике и за ее пределами. Самыми активными оказались молодые участники из городов Мамадыш, Альметьевск, Бугульма, Набережные Челны, а также из Ульяновска и Башкирии. Организация имела дискуссионный клуб по богословским и современным мирским вопросам, занималась благотворительностью, стремилась способствовать росту интереса к исламу со стороны студентов. Главную цель лидеры видели в объединении мусульманской молодежи и сохранении позиции так называемого «серединного пути» в исламе, где нет места радикальным проявлениям.

Я поддерживал идею программы «аль васатыя»⁵. Я для Алтын Урта тоже хотел построить их идеологию центризма, серединности. Для нас это была идеологическая база, и даже название наше оттуда, с этим связано. Идея, что мусульмане — это люди середины, балансирующие, мусульмане — люди, которые всегда избегают крайностей, ищут компромиссы. (Интервью 5, муж., 24 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2013)

Деятельность «Алтын Урта» выражалась в различных формах религиозного и гражданского активизма: коллективные молитвы, творческие конкурсы, спортивные мероприятия, благотворительные акции, совместные поездки на природу летом и в другие города республики, в том числе для знакомства молодых людей и девушек, и многое другое. По сравнению с «Сознанием» деятельность «Алтын Урта» в меньшей степени сосредотачивалась в студенческих аудиториях, она была направлена на более широкую социальную и функциональную базу: чаще собирались в мечетях и на площадках вне Казани, более активно сотрудничали с Духовным управлением мусульман (ДУМ), проводили совместные акции, помещали логотип ДУМ Татарстана на промоматериалах своих мероприятий. Однако со временем данное сотрудничество было сведено к минимуму из-за отсутствия консенсуса в целях и действиях, попыток контроля и претензий на руководство со стороны ДУМ.

Удалось реализовать большую часть из задуманного. Но потом все пошло не так, как хотелось. Потому что ДУМ РТ начало четко определять, что от нас требовалось, конкретные вещи, на которые мы не хотели идти. Мы не подотчетны ДУМ, мы автономные. Мы хотели горизонтальные связи, а они хотели вертикаль. (Интервью 8, муж., 30 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2018)

Религиозная деятельность этих двух организаций реализовалась в пространстве гражданского общества, вне политической сферы и государственных институтов. Они не ставили на повестку дня политические вопросы и практически не касались политических тем. Хотя в последующие годы «Сознание» пыталось

⁵ Принцип умеренности в исламе; также название Международного центра в Кувейте, проповедующего этот принцип, к которому в 2010 г. присоединилась Россия, создав Научно-просветительский центр «Аль-Васатыя — Умеренность». URL: <http://wasatiya.ru/ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

заявлять о готовности заниматься правозащитной деятельностью, их работа не была обусловлена политическими мотивами, наоборот, попытки политизации вызывали резкое отторжение⁶.

Анализируя мнения и настроения информантов в 2012 и 2019 гг., можно утверждать, что хотя они приостановили свою публичную деятельность, их взгляды и принципиальная позиция фактически не изменились. Они так же верны исламу. Хотя наблюдаются случаи трансформации образа жизни и убеждений на сугубо светские и даже переход в языческое тенгрианство (это касается бывших членов «Алтын Урта»), но эти случаи единичны. Они по-прежнему считают необходимой работу с мусульманской молодежью, стимулирование и поддержку ее деятельности, просветительскую богословскую работу, вовлечение в практики благотворительности и многое другое. Новым востребованным направлением деятельности называется профилактика экстремистских настроений. Однако остается открытым вопрос, готовы ли они на новом жизненном этапе продолжать активную деятельность или считают это уделом нового поколения молодежи.

Инициативная активность мусульманских студентов Казани иллюстрирует сопряженность гражданской активности и религиозных интенций как одной из форм современной социальной значимости религии. Одновременно она представляет собой частный случай уже упомянутого постулата Хосе Казановы: общемировая тенденция религиозной сферы в современном мире заключается в ее деприватизации, религия и ее агенты отказываются играть маргинальную и приватную роль, которая была им отведена в секулярном нарративе Модерна — молодые мусульмане вышли в публичное пространство и громко заявили о себе [Casanova, 1994; 2008].

На примере рассмотренных организаций четко прослеживаются большие возможности для реализации молодежных амбиций в постановке задач, вдохновленных религиозными ценностями, посредством гражданских инициатив. Основанием для выстраивания активистских жизненных стратегий выступили следующие проявления деятельности организаций. Во-первых, идентификация себя как актуального движения (мейнстрима), несущего позитивный имидж и ассоциирующегося с набирающей силу тенденцией принадлежности к исламскому сообществу (в том числе в глобальном смысле — к исламскому миру). Во-вторых, постановка больших целей, претендующих на выход за узкогрупповые рамки, и высокая скорость реагирования на вновь возникающие вызовы, о чем говорит преодоление границ студенческих групп, распространение на более широкие

⁶ В координатах виртуализации действительности существует возможность характеристики деятельности «Сознания» как пересекающуюся с политическим полем, что является определенным искажением. Так, в социальных сетях содержится дискуссия 2012 г. одного из лидеров «Сознания» и лидера этнонациональной организации «Азатлык» Наиля Набиуллина об уместиости поднимать политические вопросы в решении мусульманских дел. Эта дискуссия для сторонних наблюдателей прошла почти незамеченной, и о ней вскоре забыли. Однако размещение подробностей «перепалки» и комментарии самого Н. Набиуллина на страницах его аккаунтов во «ВКонтакте», а позже в Facebook и Instagram, создает впечатление о серьезных разногласиях и спорах относительно политических аспектов деятельности мусульманской молодежи Татарстана, а также о политических интересах изучаемых нами студенческих организаций. Мнение бывших участников «Сознания» и «Алтын Урта» и сторонних экспертов сводится к тому, что на фоне снижения интереса к организации «Азатлык» Н. Набиуллин педалировал тему ислама и пытался высказывать идеи о необходимости политических акций. Это вызвало резкое неприятие со стороны бывших членов мусульманских студенческих организаций. При этом отметим, что Н. Набиуллин ставит актуальные вопросы, которые волнуют многих татар, — пристальное внимание силовых органов к активным мусульманам.

социальные слои, а также за пределы Казани и даже Татарстана. Активность этих движений захватила часть вневузовской мусульманской молодежи из малых городов и сельских районов, молодых людей разного рода деятельности и материального достатка. Двумя ключевыми отличиями, маркирующими качества современности в их деятельности, выступили: (1) ориентация на интерактивность и использование интернет-сетей в качестве проводников идей и деятельности, для приобретения популярности в более широком социальном и географическом ареале, (2) отрицание иерархически-патерналистских стратегий и предпочтение горизонтально-сетевых форм взаимодействия и сотрудничества. Мусульманская молодежь самостоятельно ставила и решала задачи, что не исключало обращение к руководству вузов и Духовному управлению мусульман РТ, когда необходимо было привлечь институциональные ресурсы.

Спад гражданского активизма молодежных мусульманских организаций: «пассионариев теперь нет»

Недостаточно широкая популярность мусульманских молодежных организаций в 2004—2012 гг. среди широких слоев студентов-татар и низкий уровень преемственности их идей и деятельности проявились в отсутствии их последователей после 2012 г. На основе материалов исследования и анализа общего контекста это можно объяснить несколькими причинами.

Одной из причин выступает снижение самостоятельной активности студентов с определенного времени, которое участники «Сознания» и «Алтын Урта» обозначают примерно 2012—2014 гг., и особенно это касается сферы, сопряженной с религиозной тематикой. По сравнению с первым десятилетием XXI века произошел спад интереса к религии. Религиозная жизнь приобрела больше формальных черт. Молодые люди чувствуют, что как православие, так и ислам уделяют больше внимания одобрению со стороны властных институтов, чем запросам и приоритетам общества [Религия в современной России, 2019]. Отмечается также преобладание секулярных ценностей над религиозными среди молодежи. При общем интересе к вопросам веры можно утверждать, что искренний и осознанный выбор религии в качестве жизненного ориентира стал уделом ограниченного числа молодых людей [Гузельбаева, 2015; Ивлева, Курилов, Россман, 2018].

Другой важной причиной сворачивания деятельности «Сознания», «Алтын Урта» и нескольких других, менее популярных и заметных групп является естественное для послевузовского периода ослабление энтузиазма молодых людей к общественной деятельности, снижение активности и интереса к самоорганизации. Анализ возрастных характеристик участников этих и других групп позволяет утверждать, что период активного участия молодых людей, претендующих на захват публичного пространства, приходится на возраст приблизительно от 18 до 23 лет. Примеры других молодежных групп в российских регионах подтверждают, что этот возраст — время присоединения к формальным или неформальным инициативным сообществам и совместной групповой активности [Богатова, Шумкова, 2014: 154]. С началом стабильной трудовой деятельности неформальная активность идет на спад. У молодых людей появляется круг обязанностей, связанных с работой, началом карьеры, семьей или другой формой устойчивых межгендерных

отношений, потребностью в стабильном заработке, приобретением собственного жилья и прочее. Это отвлекает от молодежных коллективных практик и субкультур, которые могут иметь мало практического смысла. В Казани после 2012 г. новые поколения студентов не проявили интереса к подобным формам гражданской активистской самоорганизации, что может свидетельствовать либо о сужении поля для такой деятельности, о перехвате данной повестки иерархическими — властными и религиозными — структурами, либо об исчерпании мобилизующего потенциала подобных религиозных интенций или пассионарности молодежи. Можно предположить, что долговечность таких форм гражданского активизма молодежи принципиально невозможна в силу его неукорененности в культуре, в том числе политической.

Мы закончили университет <...> ждали, что должна пройти смена поколений, мы хотели привлечь студентов младших курсов, чтобы они активно участвовали в нашей организации. И у нас возникла проблема: среди студентов не нашлось активистов, никто не хотел заниматься этой общественной деятельностью. (Интервью 9, муж., 34 года, Казань, актив «Сознания», 2019)

Студенчество сейчас вообще пассивнее, чем в начале 2000-х. Разбрелись по своим квартирам, к компьютерам. А уж к мусульманам вообще особое отношение, взгляд у силовиков пристальный. Мусульмане свернулись в свою скорлупу, и им периодически напоминают, что им нельзя высовываться. (Интервью 10, муж., 31 год, Набережные Челны, член «Алтын Урта», 2019)

Еще одна причина состоит в отсутствии постоянной прямой связи студентов-мусульман со старшим поколением исламского сообщества Татарстана. «Сознание» и «Алтын Урта» стремились к общению со старшими уважаемыми мусульманами, они взаимодействовали с яркими исламскими деятелями и получали поддержку со стороны авторитетных тогда мусульман республики, среди которых выделялись имам Рамиль Юнусов, Камаль Эль Зант, заместитель муфтия РТ Валиулла Якупов. Однако молодые активисты ориентировались в большей степени на свои силы, ценили независимость и предпочитали самостоятельную работу в кругу ровесников-энтузиастов. Обе организации сотрудничали с институциональными властными и общественными структурами: Духовным управлением мусульман Татарстана («Алтын Урта» — в большей степени), Общественной палатой РТ, городской администрацией, руководством некоторых университетов. Осознавая необходимость институциональной поддержки, молодежные мусульманские организации все же предпочитали использовать собственные ресурсы, дистанцируясь от постоянного диалога, стремясь избежать навязываемого «договора».

Официальные исламские организации, в свою очередь, пытались перевести молодежные инициативы в контролируемые сверху сообщества, создать сеть умеренных мусульман в противовес сетям исламских экстремистов. В их целеполагании это выступало в качестве противодействия, с одной стороны, возрастающему влиянию радикально настроенных элементов на российскую умму (мусульманскую общину), с другой — исламофобии. Риторика заключалась в том, что молодежь,

с их точки зрения, не отличается достаточной целеустремленностью и не обладает необходимыми ресурсами для объединения, неспособна выработать новые идеологии, забывает о глобальных проблемах, концентрируясь на частных и личных, и ориентирована на европейские ценности, забывая о локальном культурном багаже. Считалось, что молодежи необходимо помочь реализовать ее энергию таким образом, чтобы не допустить распространение антигосударственных и антисоциальных идей. Подобные рекомендации высказывались в кругах Духовного управления мусульман Татарстана и Совета муфтиев России [Фарисов, 2007]. Однако их попытки «собрать» молодежь под своим руководством не смогли стать альтернативой харизматичной активности студентов-мусульман Казани.

Продолжению деятельности групп «Сознание» и «Алтын Урта» также мешал разрыв исламской традиции. С одной стороны, после советского периода молодые энтузиасты из рассматриваемых организаций, как и большинство их ровесников, осмысленно пришли к исламу и приобрели религиозную идентичность в сознательном возрасте. Семья была далеко не единственным агентом их религиозной социализации, они получали информацию об исламе из литературы, интернета, от друзей и из прочих источников. С другой стороны, мусульманская молодежь, недостаточно хорошо знающая основы традиционной исламской культуры татарского народа, сталкивалась с трудностями в рамках как религиозной общины, так и российского общества в целом. Это привело к разногласиям между представителями мусульманской молодежи и старшего поколения, чтившего и хранившего традицию татарского богословия.

Трагическое событие 19 июля 2012 г. в Казани — убийство бывшего заместителя муфтия Татарстана В. Якупова — стало поворотным пунктом для многих мусульман Татарстана. Политика государства на сворачивание неконтролируемых инициатив, связанных с исламом, привела к тому, что мусульманская молодежь остановила свою деятельность по организации открытых мероприятий, перенеся их в непубличный формат.

Среди нынешних студентов сейчас нет активности по теме ислама, пассионариев теперь нет. А группы более старшего возраста я знаю, их не так мало, примерно 25—35-летние, есть старше. Они нигде не заявляют о себе, не проводят публичных мероприятий. Зная, что активность привлечет проблемы, они себя не показывают. Некоторые специально не подчеркивают религиозную деятельность, просто благотворительность. <...> Благотворительность, сбор одежды для неимущих, сбор мусора и уборка территории, посадка деревьев. Вместе занимаются бизнесом. Организаций с большими задачами сейчас нет, они занимаются конкретными делам». (Интервью 11, муж., 30 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2018)

Таким образом, возникает еще одна причина прекращения деятельности молодых мусульман, воспринимаемая ими самими как одна из основных. Эта причина связана с их опасениями открытой деятельности из-за изменившихся приоритетов внутренней и внешней политики государства. Ориентация российской государственной политики на противодействие экстремизму и терроризму, требования национальной безопасности естественным образом направляют правоохрани-

тельные органы на внимательное отношение к любым формам коллективной деятельности мусульманского сообщества.

Мусульмане приняли новые условия и стараются корректировать жизненные стратегии под эти обстоятельства. Они осознают ожидание со стороны государственных органов и даже муфтията остановить любую инициативу, связанную с исламом, проявления гражданского активизма во избежание возможных пересечений с экстремистскими идеями, субъектами и целями. Мусульмане боятся быть обвиненными в нелояльности властям. Новое поколение молодых людей, в том числе студенты, хорошо понимают векторы государственной антиэкстремистской политики и видят пристальное внимание и неодобрительное отношение к бесконтрольной активности мусульман. Они считают, что любое объединение и создание какого-либо сообщества с горизонтальными связями без одобрения духовного управления, а значит и государственных политических структур, равносильно вызову и повлечет обвинения в попытках расшатать ситуацию в регионе.

Тогда в нулевых [годах XXI века] было благодатное для религии время, не только для ислама, для всех религий. Официоза почти не чувствовалось. Мусульманские лидеры не оглядывались на политическую верхушку. А потом все сильно изменилось! <...> Можно задержать человека. Какие уж тут самодетельные исламские [группы], тем более молодежные! В обход муфтияту нельзя, а молодым с муфтиятом ну вот совсем неинтересно, мягко говоря. (Интервью 10, муж., 31 год, Набережные Челны, член «Алтын Урта, 2019)

После тех событий [2012—2014 гг.] заужили мусульман просто. Зачем им активная молодежь, зачем им популярные имамы? — это заноза, которую надо нейтрализовать. Нам транслируют: не надо ничего, сидите дома, студенты пусть занимаются учебой. (Интервью 7, муж., 35 лет, Казань, актив «Сознания», 2020)

В начале 2000-х у нас была такая наивность, был большой оптимизм. Хотя определенное давление было и тогда, но были иллюзии, что можно чего-то добиться. А сейчас это вопрос безопасности. Молодые мусульмане перестали что-то делать из-за опасности, что их просто посадят. Есть же примеры того, как несколько молодых мужчин просто пропали, когда в сложные времена вокруг 2012 г. [задерживали] активных мусульман. <...> Конечно, думающие, анализирующие, что происходит, отлично понимают, что высовываться со своими идеями, тем более работать с молодежью не надо, себе дороже. Эта мысль сейчас просто никому даже не приходит в голову. (Интервью 6, муж., 36, Казань, член «Сознания», 2020)

Сегодня деятельность молодых татар в основном сводится к поддержке татарской этнической культуры и татарского языка. Движение в поддержку татарского языка «Я говорю по-татарски» (оригинальное название «Мин татарча сөйләшәм»), которое возникло в 2006 г. и набрало силу к 2012 г., регулярные события «Сенной базар» («Печән базары») и «Джадид-фест» популярны среди татарской молодежи Казани в последние годы, они стали яркими событиями в жизни города.

Молодые мусульмане создают новые практики, связанные с исламом и их пониманием религиозных предписаний. Завершившаяся открытая активность студен-

ческих исламских сообществ имеет продолжение в интернет-сфере и непубличных практиках — «мусульманском блогерстве» и организации исламского воспитания и образования детей. Несколько десятков блогеров-мусульман из Татарстана начинают влиять на общественное мнение исламского сообщества, составляя конкуренцию СМИ и Духовному управлению мусульман. Их популярность растет день ото дня, и число подписчиков некоторых из этих блогеров в Instagram достигает полутора сотен тысяч. Другой вид деятельности направлен на ту сторону социализации детей, где религиозная составляющая является одной из основных. Это относится к созданию мусульманских детских садов, летних лагерей и развитию семейной формы среднего образования. Мусульмане стараются делать это, не привлекая к себе широкого внимания. Это свидетельствует скорее о самоорганизации на уровне обустройства частной жизни и дистанцировании от государства, чем об экстраполяции активности на широкое социальное пространство для достижения общих целей и универсализирующих смыслов.

Основные выводы

Проблема гражданской активности мусульманских сообществ молодежи является частным случаем более широкой проблемы — степени развитости форм гражданского активизма и гражданских инициатив в поле российской публичной политики, а также самоорганизующихся форм общественных солидарностей или групп интересов⁷. Изменение статуса религии и религиозных смыслов в современных координатах заставляет пристальнее вглядываться в ее возможности для обеспечения солидарных действий в общественном и гражданском пространстве, в поисках жизненных стратегий молодежи в современном непредсказуемом мире. Внимание именно к мусульманским организациям обусловлено как внешними, так и внутренними параметрами обеспечения социальной консолидации в России.

Молодые мусульмане Татарстана развенчивают представления сторонников теории секуляризации о маргинальной приватизированной религии: исламская студенческая молодежь Казани в конце первого десятилетия XXI века не хотела ограничиваться домашним и внутривраховым общением и обрядовой практикой, настойчиво стремилась осваивать публичное городское пространство. Самыми яркими и популярными инициативными сообществами, созданными посредством самостоятельной активности студентов-мусульман, в 2005—2012 гг. были «Сознание» и «Алтын Урта». Этот период можно считать расцветом гражданского активизма, в русле которого формулировались цели и жизненные стратегии. Ключевой особенностью выступила диффузия религиозных и гражданских смыслов, а пространство гражданских инициатив открыло большие возможности для проявления молодежных амбиций. Объединение активной жизненной позиции и прогрессивных взглядов молодых мусульман способствовало росту интереса к исламу со стороны молодых людей.

Студенческие исламские сообщества осознавали необходимость своей деятельности, они осмысленно выстраивали стратегию своей работы. В этом режиме

⁷ О других исследованиях относительно участия россиян в деятельности общественных организаций, см., например: Общественные организации: «не был, не состоял, не участвовал...» // ВЦИОМ. 2014. 10 октября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=696> (дата обращения 20.06.2020).

постоянной включенности в контекст, в обстоятельства жизни мусульманской молодежи и, более широко, молодых татар и их меняющихся потребностей, трансформации общественных запросов и ожиданий, происходило самостоятельное формулирование жизненных стратегий, что предопределяло и гражданскую ответственность. Рефлексия по поводу значимости религии в их жизни и интерпретация смыслов самореализации свидетельствуют о гражданской ответственности и общественном целеполагании.

Основными преимуществами этих организаций были огромная жажда деятельности, осознанная стратегия действий и быстрая реакция на изменяющиеся условия и новые вызовы, а также использование сетевых технологий для расширения пространства деятельности и вовлечения новых участников. Возникновение данных сообществ — яркий пример низовых инициатив рядовых мусульман, свидетельствующих о невозможности встраивания их в институциональные религиозные организации Республики Татарстан. Их религиозная деятельность реализовывалась в пространстве гражданского общества, вне политической сферы и государственных институтов.

Причинами ослабления активности исламских студенческих сообществ стали преобладание секулярных ценностей среди молодежи, разрыв исламской традиции, слабые связи со старшим поколением мусульман региона, закономерное для постсоветского периода снижение интереса к общественной деятельности, а также изменившаяся общеполитическая обстановка, настороженное отношение к любой мусульманской активности со стороны правоохранительных органов и политических структур и опасения самих мусульман вызвать их недовольство своей деятельностью вне контроля Духовного управления мусульман. В настоящее время открытая деятельность молодых татар в основном сводится к поддержке татарской этнической культуры, татарского языка, потребностям семейной религиозной социализации.

Студенты-мусульмане начала XXI века имели ограниченный круг задач и не касались политической темы. Их целью было объединение молодых мусульман и привлечение внимания к своим потребностям на волне религиозного подъема. «Сознание» и «Алтын Урта» прекратили свою деятельность как самостоятельные активные исламские сообщества, однако их пример отражает ряд серьезных социальных вызовов: о роли религии в современном мире, о специфике и духе современного гражданского активизма молодежи, о параметрах диалога власти и общества.

Список литературы (References)

Бергер П. Фальсифицированная секуляризация / пер. с англ. А. Шишкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8—20.
Berger P. (2012) *Secularization Falsified. State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 2. P. 8—20. (In Russ.)

Богатова О. А., Шумкова Н. В. Субкультурные сообщества провинциальной молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 150—156. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.10>.

Bogatova O. A., Shumkova N. V. (2014) Subcultural Communities of the Provincial Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 150—156. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.10>. (In Russ.)

Гараев Д. М. Женские мусульманские организации в Татарстане: между традиционализацией и модернизацией // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. Т. 12. № 4. С. 985—1000. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-4-985-1000>.

Garaev D. M. (2019) Female Muslim Organizations in Tatarstan: Between Traditionalization and Modernization. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 12. No. 4. P. 985—1000. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-4-985-1000>. (In Russ.)

Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А. И. Соловьева. М.: Аргамак-Медиа, 2018.

Solovyov A. I. (ed.) *Civil Sector of Public Administration*. Moscow: Argamak-Media, 2018. (In Russ.)

Гузельбаева Г. Я. Постсекулярные тенденции у татар в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 6. С. 212—219.

Guzelbaeva G. Ya. (2014) Post-Secular Trends among Tatars at the Beginning of the XXIst Century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*. Vol. 156. No. 6. P. 212—219. (In Russ.)

Гузельбаева Г. Я. Агенты религиозной социализации в постсекулярный период: роль в трансформации ценностно-нормативной системы // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 21—26.

Guzelbaeva G. Ya. (2015) Agents of Religious Socialization in Post-Secular Period and Their Role in the Transformation of Value System. *Kazan Socio-Humanitarian Bulletin*. No. 4. P. 21—26. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи малых городов: общее и особенное в сферах образования и труда // Малые города в социальном пространстве России / отв. ред.: В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 174—188.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Life Activity of Young People in Small Cities: General and Special in the Fields of Education and Labor. In: Markin V. V., Chernysh M. F. (eds.) *Small Cities in the Social Space of Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 174—188. (In Russ.)

Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 481—493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493>.

Ivleva M. L., Kurilov S. N., Rossman V. J. (2018) The Youth's Perception of Religious Values: A Sociological Study. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 3. P. 481—493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493>. (In Russ.)

Косач Г. Татарстан: религия и национальность в массовом сознании // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: религия в пост-

советской России / под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 341—395.

Kosach G. (2007) Tatarstan: Religion and Nationality in the Mass Consciousness. In: Kaariaynen K., Furman D. (eds.) *New Churches, Old Believers — Old Churches, New Believers: Religion in Post-Soviet Russia*. Moscow; Saint Petersburg: Letniy sad. P. 341—395. (In Russ.)

Мchedlova М. М. Религиозная ситуация в России и в ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 161—190.

Mchedlova M. M. (2018) Religious Situation in Russia and Its Regions. In: Tishkov V. A., Stepanov V. V. (eds.) *Ethnic and Religious Diversity in Russia*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. P. 161—190. (In Russ.)

Набиев Р. А. Мотивы самоорганизации мусульманской молодежи Республики Татарстан // Гуманистические ценности и мусульманская молодежь России: материалы конференции / отв. ред. М. Муртазин. М.: Умма, 2007. С. 103—109.

Nabiev R. A. (2007) Motives of Self-Organization of Muslim Youth of the Republic of Tatarstan. In: Murtazin M. (ed.) *Humanistic Values and Muslim Youth of Russia: Proceedings of the Conference*. Moscow: Umma. P. 103—109. (In Russ.)

Набиев Р. А. Власть и религиозное возрождение. Казань: Издательство Казанского федерального университета, 2014.

Nabiev R. A. (2014) Power and Religious Revival. Kazan: Kazan University Publishing House. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59—86.

Omelchenko E. L. (2005) Youth Activism in Russia in Context of Global Transformation. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 3. No. 1. P. 59—86. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Уникален ли случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.

Omelchenko E. L. (2019) Is the Russian Case of the Transformation of Youth Cultural Practices Unique? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>. (In Russ.)

Религия в современной России: контексты и дискуссии: монография / отв. ред. М. М. Мchedlova. Москва: Российский университет дружбы народов, 2019.

Mchedlova M. M. (ed.) *Religion in Contemporary Russia: the Context and Discussions*. Moscow: RUDN University, 2019. (In Russ.)

Синелина Ю. Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 89—95.

Sinelina Yu. Yu. (2009) Orthodox and Muslims: A Comparative Analysis of Religious Behavior and Value Orientations. *Sociological Studies*. No. 4. P. 89—95. (In Russ.)

Фарисов Р.Ф. Государственная политика и религиозная самоорганизация мусульманской молодежи // Гуманистические ценности и мусульманская молодежь России: материалы конференции / отв. ред. М. Муртазин. М.: Умма, 2007. С. 137—147.

Farisov R. F. (2007) State Policy and Religious Self-Organization of Muslim Youth. In: Murtazin M. (ed.) *Humanistic Values and Muslim Youth of Russia: Proceedings of the Conference*. Moscow: Umma. P. 137—147. (In Russ.)

Фурман Д., Каарияйнен К., Карпов В. Религиозность в России в 90-е гг. XX — начале XXI в. // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: религия в постсоветской России / под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 6—86.

Furman D., Kaariainen K., Karpov V. (2007) Religiosity in Russia in the 1990s — the Beginning of the XXIst Century. In: Kaariainen K., Furman D. (eds.) *New Churches, Old Believers — Old Churches, New Believers: Religion in Post-Soviet Russia*. Moscow; Saint Petersburg: Letniy sad. P. 6—86. (In Russ.)

Эйзенштадт Ш. Н. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 33—56.

Eisenstadt Sh. N. (2012) The New Religious Constellations in the Frameworks of Contemporary Globalization and Civilizational Transformation. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 1. P. 33—56. (In Russ.)

Berger P. L. (1999) The Desecularization of the World: A Global Overview. In: Berger P. L. (ed.) *The Desecularization of the World: Resurgent Religious and World Politics*. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center. P. 1—18.

Berger P. (ed.) *Le réenchantement du monde*. Paris: Fayard, 2001.

Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Casanova J. (2008) Public Religions Revisited. In: de Vries H. (ed.) *Religion: Beyond the Concept*. New York, NY: Fordham University Press. P. 101—119.

Karimova L. (2013) Muslim Revival in Tatarstan: Tatar Women's Narratives as Indicators of Competing Islamic Traditions. *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. Vol. 17. No. 1. P. 38—58. <https://doi.org/10.1525/nr.2013.17.1.38>.

Omelchenko E., Sabirova G. (2016) Youth Cultures in Contemporary Russia: Memory, Politics, Solidarities. In: Schwartz M., Winkel H. (eds.) *Eastern European Youth Cultures in Global Context*. London: Palgrave Macmillan. P. 253—270. <https://doi.org/10.1057/9781137385130>.

Sabirova G. (2011) Young Muslim-Tatar Girls of the Big City: Narrative Identities and Discourses on Islam in Postsoviet Russia. *Religion, State and Society*. Vol. 39. No. 2—3. P. 327—345. <https://doi.org/10.1080/09637494.2011.584710>.